

Деревянная кукла, в которую обратился злой бог Юаньцзюнь, невольно воскресила в памяти Чи Нина строки великого Ду Фу: «Подняв чарку, он бросает дерзкий взор на синее небо, чистый и светлый, словно нефритовое дерево на ветру». Говоря проще, лик этой фигурки был безупречен, словно сошел с картины искусного мастера: брови тонки, как очертания далеких гор, очи глубоки, точно морская бездна, а иссиня-черные волосы, ниспадающие на фиолетовое одеяние, лишь подчеркивали его надменный, мятежный нрав, способный перевернуть само мироздание. Очутись этот красавец во плоти среди людей, он в мгновение ока пленил бы сердца всех благородных девиц в столице.

Чи Нину оставалось лишь признать, что вкусом господин Юань обделен не был. Существой подобное великолепие на самом деле, Чи Нин вряд ли смог бы гарантировать, что его собственное сердце, целиком отданное честолубивым замыслам, не дрогнуло бы от мимолетного искушения.

Впрочем, покуда его спутник оставался лишь куском твердого дерева, Чи Нин без труда сохранял полное хладнокровие.

Он лишь с легким замешательством мысленно посетовал:

«Красив-то он красив, спору нет, но если я стану таскать вас с собой на руках, то буду выглядеть как кисейная барышня».

В самом деле, где это видано, чтобы взрослый мужчина забавлялся куклами?

Господин Юань, будучи злым богом, никогда не брезговал никакими средствами ради достижения своих целей, а уж в умении находить самые изощренные лазейки для спора он давно превзошел всех смертных:

«А тебе не кажется, что называть кого-то „барышней“ в таком ключе — это верх неуважения к женщинам? Нас всех воспитывали матери. Что же плохого в женщинах?»

Каким бы красноречивым ни был Чи Нин, перед подобным доводом он на мгновение опешил. Он прекрасно понимал, что помыслы Юаня далеки от благородства, однако оспорить его слова по существу было нечем.

«... Я лишь повторил то, что привыкли говорить другие, и вовсе не думал никого оскорблять», — только и смог оправдаться Чи Нин.

«Осознание — первый шаг к исправлению, так что ты все еще хороший мальчик», — великодушно отступил Господин Юань, решив не дожимать собеседника. Но тут его внезапно посетило дурное предчувствие.

И не напрасно. Обладая поистине неукротимым бойцовским духом, Чи Нин решил прекратить

словесные прения и перейти к решительным действиям.

Наследник Вэнь, безмолвный свидетель этой безмолвной драмы, с неподдельным изумлением наблюдал за происходящим. Чи Нин откуда-то извлек изящную деревянную фигурку и теперь пытался приладить её к поясному шелковому шнуру — туда, где приличные люди обычно вешают драгоценные нефритовые подвески или узорчатые мешочки с благовониями. На кукле не было никаких ушек для подвешивания, но юношу это не смутило: он просто обвязал шелковый шнурок вокруг талии деревянного божка, затянув тугий мертвый узел, и пустил болтаться у бедра. Налетевший ветерок колыхал полы его одежд, но тяжелая фигурка висела мертвым грузом, лишая шелковые кисти всякой легкости движения.

Признаться честно...

Со стороны это зрелище казалось на редкость нелепым: взрослый, статный муж с такой детской безделушкой на поясе. Однако Чи Нин плевать хотел на чужие косые взгляды. Отбросив всякие приличия, он с нескрываемым вызовом посмотрел на болтающуюся у бедра куклу. В его глазах так и читалось: «Ну что, поиграем? Посмотрим, кто кого!»

«...» — Юаньцзюнь мысленно воззвал к небесам, признавая свое поражение.

Тем временем Вторая барышня У наконец-то сумела вымолить прощение у своей ненаглядной Ваньвань:

— Душа моя, это ведь была гостя самого наследника князя Цзина! Как бы я посмела проявить непочтение к будущей супруге молодого господина? К тому же... это ведь мужчина! Ты же меня знаешь, мужчины меня ни капли не интересуют. Каким бы красавцем он ни был, все без толку!

Ваньвань одарила её кокетливым взглядом из-под круглого веера. В конце концов она сменила гнев на милость, ведь ей было доподлинно известно: мужчины для У Эр действительно пустое место.

Вскоре евнухи из княжеского поместья вежливо пригласили «девицу» в пламенно-алом наряде и «молодого господина» в темном халате пройти в беседку для беседы.

Вторая барышня У приблизилась размашистым, почти разбойничьим шагом. Она держалась свободно и раскованно. Когда она заговорила, намеренно понизив голос, в её манерах действительно проскользнуло нечто от благородного столичного щеголя, хотя псевдоним она выбрала из рук вон небрежный:

— Почтение почтенному собранию. Мое имя — У Эр. Позвольте узнать, с кем имею честь?

Наблюдавший за этим из укрытия супруг принцессы в досаде схватился за голову. Ему

хотелось лично пасть перед сестрицей на колени. Ты пришла на смотрины невесты или собралась клясться в вечной верности на разбойничьем кругу?!

Великая принцесса Канлэ покосилась на своего благоверного, который извелся сильнее, чем виновники торжества, и язвительно заметила:

— Коли тебе так нетерпится, шел бы сам на смотрины вместо нее.

Тот вдруг просиял, словно его осенило:

— А ведь и правда!

Принцесса лишь безмолвно закатила глаза.

Тем временем «девица» в пылающем алом платье без лишних церемоний опустилась на каменную скамью, нимало не заботясь о недоуменных и любопытных взглядах, которыми её провожали отдыхающие в Парке Ивовой Роши. Да и с чего бы ей стыдиться? Ведь под женским платьем скрывался самый настоящий мужчина! Голос красавца оказался под стать его вызывающей, броской внешности — звучным, дерзким и уверенным:

— Меня зовут Чжу Лян. «Чжу» — как Чжу Интай, «Лян» — как Лян Шаньбо. Славное имя, легко запомнить, не так ли? Мы, люди реки и озер, чужды пустых условностей, так что можете звать меня просто по имени.

От столь размашистого приветствия присутствующие едва не лишились дара речи.

«Позвольте... Неужели это не тот самый переодетый наследник благородного семейства Ли?» — потрясенный наследник Вэнь Хуайгу невольно повернулся к Чи Нину.

Чи Нин и сам пребывал в легком недоумении. Он-то был уверен, что перед ним молодой господин Ли! Иначе с чего бы ему зазывать незнакомца в беседку? Вышла досадная промашка. Впрочем, ошибка оказалась не столь критичной: этот новоявленный гость тоже числился среди претендентов на роль невесты для наследника князя.

Быстро овладев собой, Чи Нин вежливо сложил ладони в приветствии:

— Молодой господин У, почтенный глава культа Чжу. Мое имя — Чи Нин, а это мой близкий друг Вэнь Хуайгу. Судьба милостива к нам, коль свела сегодня со столь выдающимися личностями.

Произнося титул «глава культа», Чи Нин намеренно выделил его голосом, надеясь предостеречь рассеянного наследника.

Однако его намек каждый истолковал по-своему.

Вторая барышня У решила, что Чи Нин просто знаком с этим странным человеком, а значит, опасаться нечего.

Сам же Чжу Лян расценил это как тонкое предупреждение: Чи Нин, дескать, прекрасно осведомлен о его подлинной сущности, так что лучше вести себя смирно и не делать глупостей.

И лишь бедолага Вэнь Хуайгу, ради которого и затевалась эта тонкая игра, остался в полнейшем недоумении:

— Какой еще глава культа?

В воздухе повисла звенящая, неловкая тишина.

Разрядило обстановку внезапное появление истинного виновника путаницы — законного наследника дома Ли, сопровождаемого целой свитой щебечущих служанок и родственников. Семейство Ли приняло решение о прогулке столь внезапно, что сборы вышли спешными и сумбурными. И все же они явились сюда по первому зову суровой старой госпожи, которой ночью якобы явился во сне сам небожитель и повелел непременно посетить сегодня Парк Ивовый Рощи.

Старшая «барышня» семейства Ли, прелестная лицом и одаренная тонким умом Ли Юй, тоже ни в чем не могла отказать упрямой бабке. Ей оставалось лишь кротко утешать утомленную родню разговорами о долге почтительности, попутно замечая, как славно выбраться всем вместе на свежий воздух в такой погожий день.

И лишь сам Ли Юй знал подлинную причину, по которой он столь настойчиво вел свое семейство именно к восточным воротам парка.

Этим утром таинственная записка неведомым образом оказалась у него под подушкой. Все, что предсказывали начертанные на ней строки, сбылось с пугающей точностью. Движимый неутолимой жаждой мести, юноша решил пойти на риск и принять негласное приглашение.

В отличие от белолицего и длинноногого, но излишне рослого, точно степная чужестранка, Чжу Ляна, молодой господин Ли куда больше походил на хрупкую девушку. Он обладал нежным голоском и ладным станом, а его облику была присуща та особая изысканная прелесть, которая даруется лишь глубоким познанием классических канонов. Каждое его движение казалось выверенным по невидимой линейке придворного этикета — истинное воплощение благородной девы из почтенного семейства.

Пока они шли по тропинкам парка, редкий юноша не провожал Ли Юя восхищенным взглядом.

Даже у Второй барышни У при виде него блеснули глаза — без всяких дурных помыслов, лишь из чистого преклонения перед прекрасным.

Сам же Ли Юй, завидев в беседке столь пеструю компанию, которой как раз хватило бы для партии в маджонг, невольно растерялся, не понимая, к чему ведет этот странный оборот событий.

Когда к нему подошел княжеский слуга с приглашением, Ли Юй после недолгого раздумья подавил тревожные мысли и, изящно ступая, направился к беседке, где кротко представился собравшимся.

Осознав, что перед ней на самом деле переодетый юноша, Вторая барышня У мгновенно сникла. Мужское племя её решительно не прельщало.

Господин Юань, который долгое время безмолвно и угрюмо болтался на поясе у Чи Нина, внезапно вновь оживился:

«Забавно. Из пяти человек за этим столом, не считая тебя, двое кажутся мужчинами и двое женщинами, хотя на деле перед нами трое юношей и лишь одна девица... Смертные воистину не перестают меня удивлять».

Так, со взаимными недомолвками и скрытым соперничеством, продолжались эти странные смотрины. А уж кто из присутствующих ведал, что пришел на свидание, оставалось ведомо лишь им самим.

Видя, что беседа понемногу завязалась, Чи Нин под благовидным предлогом решил отлучиться — якобы за горячими вонтонами.

И в самом деле, в пору весеннего цветения Парк Ивовой Рощи, обычно сонный и величественный, преображался до неузнаваемости. Наводнившие его толпы гуляющих приносили с собой веселый гомон и суету, а торговцы всех мастей зазывали прохожих на каждом углу. Особой славой здесь пользовалась лавка дядюшки Бао. Хозяева — почтенная семейная пара — привозили с собой передвижной очаг и утварь. Они подавали изумительные горячие кушанья и подогретое вино. Своим мастерством они зарабатывали столько, что могли безбедно жить весь остальной год, торгуя лишь в эти короткие весенние недели.

Старший соученик Цзян Чжиуэй не раз нахваливал Чи Нину эти вонтоны, и упустить возможность полакомиться ими сегодня было бы непростительно.

Тончайшее тесто, сочная мясная начинка и наваристый, благоухающий травами бульон — пустая пиала осталась на столе прежде, чем Чи Нин успел опомниться. Ощущение сытости и тепла разлилось по телу, принес с собой истинное блаженство. Это было божественно вкусно!

Когда Чи Нин, сытый и довольный, вернулся к беседке, смотрины уже завершились. За столом оставалась лишь переодетая в мужское платье У Эр. Она вольготно развалилась на скамье, вовсю хлопая несчастного Вэнь Хуайгу по плечу и обращаясь к нему не иначе как к названому брату:

— А ты силен, братец! За раз созвать троих... Настоящий мастер! Мое почтение!

Невинный наследник Вэнь готов был разрыдаться от бессилия. Он не хотел этого, он ничего такого не замышлял, он просто...

В конце концов супруг принцессы, не в силах более выносить этот позор, бесцеремонно выволок сестрицу из беседки. Еще долго со стороны аллеи доносились их яростные препирательства:

— Посмотри на себя! Какой благородный наследник согласится взять тебя в жены после таких выходов?

— И что с моим видом не так? Ты сам со своей женитьбой затеял обман, а мне и слова сказать нельзя, чтобы человек сразу понял, с кем связывается?!

Несчастному зятю императора приходилось по сто раз на дню мысленно отрекаться от несносной девчонки, дабы сохранить остатки братских чувств.

До закрытия городских ворот Чи Нин успел благополучно доставить Вэнь Хуайгу обратно в поместье князя Цзина. Лишь у самых дверей он негромко спросил:

— Ну так что, пришелся ли кто-нибудь вам по сердцу?

Вэнь Хуайгу всю дорогу подбирал слова и репетировал ответ, зная, что этого разговора не избежать. И все же, услышав вопрос, он растерялся и едва не прикусил язык от волнения:

— Вторая барышня У столь прямодушна... «девица» Чжу невероятно ослепительна, а барышня Ли столь скромна и образованна... Я... право, я даже не знаю...

«Он хочет всех троих сразу», — язвительно перевел замывшегося юношу Господин Юань. — «Эх, мужчины...»

Решив не мучить простодушного наследника, Чи Нин заговорил начистоту:

— Вы действительно желаете взять их всех в жены или же просто стремитесь использовать эту возможность, чтобы уберечь их от беды?

Вэнь Хуайгу ошеломленно уставился на него. Его мысли были столь очевидны, что Чи Нин без труда читал их на его лице. И все же юноша упрямо пробормотал:

— Нет же... Они все мне искренне нравятся, оттого я и не могу сделать выбор.

Чи Нин тихо вздохнул. Сам едва держась на плаву в бурных дворцовых водах, этот благородный юноша все порывался спасти каждого страждущего.

— Советую вам хорошенько подумать, господин наследник. От вашего искреннего ответа зависит то, как именно я стану вам помогать.

Вэнь Хуайгу долго молча смотрел на него, после чего покорно опустил плечи, сдаваясь:

— Да, я действительно хочу помочь им. Я не знаю, каково это — по-настоящему любить кого-то. Но когда я читал те записи, мое сердце обливалось кровью. Я страстно желаю уберечь их от предначертанной участи. И тех, кого мы встретили сегодня, и тех, до кого еще не успели добраться.

Как, например, то несчастное селение в землях Чу, обреченное на погибель.

Чи Нин пристально взгляделся в глаза Вэнь Хуайгу. В глубине этих зрачков светилась та первозданная, чистая добродетель, которую он сам уже давно позабыл и не чаял встретить в ком-либо еще среди дворцовой грязи.

— Поверь, я вовсе не лишился рассудка, я все обдумал, — поспешно, со слезами на глазах добавил наследник, отчаянно ища понимания. — Это ведь не потребует от меня никаких жертв, достаточно лишь назвать их своими супругами. Я клянусь, что это ни в коей мере не помешает твоим планам и намерениям моего отца! Я вовсе не мню себя великим спасителем. Но пока в моих силах хоть что-то изменить, я хочу поступать так, дабы при взгляде на небо и землю мне не в чем было упрекнуть собственную совесть.

Его помысел был прост: спасти тех, кого возможно спасти.

Чи Нину следовало бы проявить холодную рассудительность и жестоко оборвать эти юношеские мечтания, заставив прекрасногодушного глупца очнуться. Однако вопреки здравому смыслу он лишь тихо произнес:

— Если бы наша жизнь была главой из старой повести, вы непременно оказались бы её главным героем.

«А я... — подумал Чи Нин. — Стал бы тем самым могущественным покровителем, что исполняет любые желания героя».

Вот только путей к спасению существовало великое множество, и жертвовать ради этого собственной свободой и браком было вовсе не обязательно.

<http://bllate.org/book/20385/2140241>